

ПРОНИЗАН ТОКАМИ ВЕКА

Новое произведение Чингиза Айтматова — первый его роман. Насыщенны временем и действием были и его повести. Но здесь мы вступаем в новые масштабы соизмерения человека с эпохой. Впервые у Айтматова над ровным течением жизни с ее реальными драматическими коллизиями небо мифа разорвано ревом космических ракет, таинственным светом мигает не звезда Органа, языческое предчувствие космической жизни человека, а сигнал далекой галактической цивилизации...

...Эхо далекого рева двигателей тревожно чует лисица, прибравшая ночью к дому старого Едигея, прозванного Буранным потому, что всю жизнь почти прожил он на одноименном пустынном разезде (несколько человек, верблюды, маленькая водочка и полусыпанные снегом бараки)... Скорость света, с которой движутся аппараты обнаружившей себя сверхцивилизации, и ровный ход верблюда («до кладбища все же не рукой подать — тридцать верст...»). Как древние греки у Гомера не чувствовали богов чем-то надмирным, а жили среди них, так и Едигей спокойно относился к ракетодрому, где-то рядом вспыхивавшему ночными всполохами, — он был настолько, хотя и рядом, далеко от него, что о космосе и полетах человека в космос Едигей думал, как о почти магическом для него деле. Гордился, конечно, любопытно ему было, но слишком уж несоизмеримым казалось то, что делалось там и здесь, на разезде Буранном, в бескрайней знакомой степи Сары-Озеки, «Серединных землях».

А делалось, оказывается, одно и то же. Соизмеримость масштабов поддерживалась тут не только пространственными ориентирами. («А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства... В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана...»). Нет, другой ориентир волнует писателя: «И как потом понял Едигей, только тот мог остаться

«Новый мир» № 11, 1980 г.

О романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день»

ся один на один с безмолвием сарозеков, кто способен был соразмерить величие пустыни с собственным духом. Чувство долга, почти нечеловеческое терпение, труд, война и снова тяжелый труд на железной дороге не отупили его, не сделали рабом обстоятельств. Был зимами буран, жгло беспощадное солнце в безводном краю, а... Едигей не только своих детей поставил на ноги, поднял и семью друга, смело и мудро судит о жизни, чуя правду и неправду издали, по первому толчку сердца... И пусть старость незаметно подкрадывается к нему («снега те растаяли, поезда те промчались, те годы ушли»), пусть нестерпимой болью живет неразделенная, тайная, грешная любовь, которой он не поддавался, к жене оклеветанного учителя, Зарипе, возвышенная, но от этого не менее драматичная, — Едигей спокойно смотрит на небо, полное звезд, и в глаза людям. Как всегда у Айтматова, человек труда знает тайну жизни и смерти, а уходя, оставляет жизнь другим.

Только за тружеником оставляет Айтматов право на подлинную духовность: «Человек трудолюбивой души будет задавать себе вопросы, на которые у других всегда есть готовый ответ». Для него нет ничего завораживающего в словечке «простой». «Человек-труженик интересен и важен настолько, насколько он личность, насколько велика его духовная нагрузка, насколько сконцентрировано в нем его время». Прав Айтматов и тогда, когда говорит, что трудолюбивая душа всегда ищет такую же, между ними существует «некое братство». Помните у Твардовского: «Между своими связь жива...» Свои — люди чести, достоинства, а честь и достоинство есть только у людей труда, физического, социального,

интеллектуального — все едино. И, напротив, отвратительны писателю люди не своей воли, не своего ума, люди общих мнений.

И тут самое время обратиться к легенде об «манкуртах» — полулюди-полуживотных. Когда, повествуется в легенде, чужое племя поработило сарозеков, то, желая сломить их волю к сопротивлению, страшной пыткой лишало рабов памяти, ума, чувства родины. Манкурты — люди, лишившиеся личности, своего «я». «Куда легче снять пленному голову... нежели отбить... корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других». Убивая память о прошлом — лишаешь корней. Вот почему учитель Абуталип хочет оставить детям записи своей жизни — войны, плена, героического участия в партизанских отрядах в Югославии. Раньше люди оставляли наследство, говорит он Едигею, теперь надо оставлять слово, ибо в слове — душа народа, его память. Но именно против этого выступает один из «манкуртов», «кречетоглазый», как его называет Едигей, интересующийся по делу о связи старика с Абуталипом. «Манкурты ты!» — жалея и ненавидя Сабитжана, восклицает Едигей... Сабитжан хочет побыстрее похоронить отца, а Едигей везет тело Казангапа, друга своего, на старое кладбище, где покоятся люди сарозеков. Он говорит слова, «отшлифованные тысячелетиями, как слитки золота». Да, это ритуал. Но ведь то, чему молится Едигей, — это всего лишь душа его, Едигея, душа его народа, лучшее, что есть на земле, в этом, единственном (Едигей знает это не хуже Сабитжана) земном и трудном мире. Миру нужна устойчивость. Едигей верит в общ-

ность людей. А общности без памяти нет.

Едигей чувствует свою вину перед людьми, слушающая музыка. Музыка тоже переносит человека из прошлого в настоящее и обратно. А вообще, что такое искусство, как не дело соединения времен, соединения людей?... В эпиграфе к роману говорится так: «И книга эта — вместо моего тела, и слово это — вместо души моей...» Искусство, соединяя времена и народы, борется с энтропией самой материи. В романе линия жизни Едигея перекликается с космической одиссеей двух космонавтов — русского и американца. Они «паритет-космонавты» на межпланетной станции, вступают в контакт с инопланетной цивилизацией и покидают с инопланетянами станцию, чтобы первыми из землян принять на себя тайну времен, загадочность иного разумного существования.

В романе «И дольше века длится день» один день из жизни путевого обходчика Едигея и его сородичей пронизан токами века. День, в течение которого Едигей узнает о смерти друга, Казангапа, собирает людей на похороны и во главе траурной процессии везет хоронить его на родовое кладбище, на которое их не пускают, так как на месте этом выросла запретная зона для космических исследований, — день этот воистине исторически насыщен и длится подольше века. Перед умственным взором Едигея проходит его судьба, потеря близкой, разбитая любовь, страшная война, когда «жизнь употреблялась на одноразовое дело — на одну атаку, на один бросок гранаты под танк», и все-таки торжествуют вечные моральные принципы чести и человеческого достоинства над отживающим миром неравенства и насилия.

Такая масштабность виде-

ния, такая уплотненность действия — в духе времени. Главное, что поражает в романе Айтматова, — философия жизни человека XX столетия, общечеловеческая задача художника. А вырастает эта философия из современных, идейно-конкретных начал творчества. Произведение большого искусства «прописано» сразу в трех временах. Оно является одновременно плодом и Вечности, и Времени, в котором творит художник. Труднее всего понять механизм связи, то, как эти связи тянутся в обе стороны — в прошлое и будущее. В пылу спора одни заостряют внимание на текущем, другие — на устойчивом, чаще всего — на том, что было проверено. Но вечное — это ведь не только то, что было, но и то, что будет. Нельзя допускать разрыва, изоляции одного звена в цепи целого — жизни.

Чингиз Айтматов из тех писателей, которым тесно в рамках отмеренного времени, потому что он — большой художник.

В произведениях Айтматова большую роль играет природа. Ее роль и место в романе особые. Вспомним лису, которая бежит вдоль железной дороги. Она питается объедками, она бежит усталая и возбуждаемая непонятными запахами, обнюхивая искореженные банки, грязные отбросы человеческой цивилизации... Образ устремляющийся, не правда ли? Ему противостоит могучая и таинственная степь с запахами ветров, полынными — летом, свежими буранными — зимой, степь, гордая своей невысказанной до конца тайной вечности. «Степь огромна, а человек невелик. Степь безучастна, ей все равно, худо ли, хорошо ли тебе, принимай ее такую, какая она есть...» Но человек не должен «утрачивать» себя перед лицом великой неумолимой степи... Такой закон жизни. Над могилой Казангапа и маленькими людьми, склонившимися в последнем поклоне перед таинством смерти, парит коршун-белохвост, и с его высоты дается картина похорон. Но ни в чем другом так не проявляется зов природы, как в образе легендарного верблюда

Каранара, который принадлежит Едигею как бы по завету самой легенды о белой верблюдице, на которой, по преданию, старуха Найман-Ана приехала в степь оплакать сына-манкурта. Каранар нагоняет страх на всю степь, когда пробуждаются его весенние силы. Мотив обуздания Каранара Едигеем — горький, многозначительный эпилог насилия над любимым животным, когда он в иступлении избивает его бичом — идет как контрапункт к теме подавления любви к Зарипе самим хозяином Каранара.

Едигей побеждает страсть во имя человечности и долга. Музыка, очищающая душу, которую слышит он в доме случайного знакомого, долго звучит в ритмических периодах главы о любви старого певца и о насилии людей над нею.

Образ Едигея продолжает галерею айтматовских героев действия — Дюйшену, Танабая. Пусть Буранный упрям в бескрайней степи, а какой-нибудь лесной кордон («Белый пароход») затерялся в горах — вдали от большой жизни творится Большая Жизнь. И цена такой жизни непомерно велика — даже в космических масштабах. На смерть, думает Едигей, только на нее не может быть обиды — «за все остальное на земле есть и должен быть спрос!». Спрос труженика, в сущности, — главная сила жизни, залог лучшего будущего. «Слава тебе, Дюйшен!» — воскликнул когда-то чуткий критик. «Слава тебе, Едигей!» — вправе сказать сегодня читатель. Едигей ни разу не изменил себе, не предал никого, не оставил в беде человека достойного, поэтому и думает о смерти он спокойно, как о космосе, где примиряется в высшей гармонии и эта степь, покрытая похжим на солончак инеем, и эти синие дали, и выростшие, разлетевшиеся дети, которым успел он передать опыт своей жизни и высокий смысл ее, и эта «мерцающая мгла движения — летучая пыль над вершинами вагонов», продолжающих проноситься мимо маленького, затерянного в огромной степи разезда...

Владимир ОГНЕВ.